

VOX REDACTORIS

DOI 10.15826/qr.2016.4.188

RUSSIAN PHILOLOGY AND HISTORY IN THE CONTEXT OF DIALOGUE

At the heart of many of the articles in this fourth issue of *Quaestio Rossica* is dialogue, such as that between cultures, authors, oeuvres, and different social institutions. Despite the fact that unequal power relations affect the forms and results of dialogue, it is always necessary to remember that it offers not only an opportunity for different groups to express their interests, but also to achieve mutual agreement.

We open with the section *Scientia et Vitae*, where we continue to publish *Sergei Zhuk's* (Muncie, USA) essay on the remarkable Russian Americanist N. Bolkhovitinov. The latter's first visit to America in 1968 revealed to him not only an alien country, but also his own identity, thus strengthening his connections with those closest to him and giving him the courage to continue his scholarly work. The first part of this essay, based on documents from the personal archives of both Zhuk and Bolkhovitinov, was published in the second issue of *QR* earlier this year.

We have dedicated the *Problema Voluminis* section to Sakhalin Island, one of the most distant parts of Russia's territory. It has always attracted the attention of writers not only because it is a border territory marking the end of the Russian state, but also because it is a land where people have been subjected to moral tests that reveal the essence of their humanity. The visit of Anton Chekhov, a writer whose absolute moral compass acted as a guide to Russian society at the end of the 19th century, was a kind of crescendo in descriptions of the suffering of the people on Sakhalin.

The article by *Ruslan Akhmetshin* (Moscow) about the preparation that Chekhov took before his trip to Sakhalin uses information from a bibliographical list that the author composed prior to his departure. It is demonstrated that the list is connected to the choices the writer made when it came to designing the artistic style of his future work. For *Elena Sozina* (Yekaterinburg), the 'prison uniform' worn by Sakhalin inmates functions as a metaphor, much like Gogol's overcoat. It leads the reader to the main themes of Chekhov's description: the part played by prisoners in the process of colonisation and the sources of the problems they encountered. Chekhov's multisided position, which is demonstrated by how the involuntary 'imperialist' context of his narrative is combined with severe criticism of the justice system and the echoes of serfdom on the island, opens up new perspectives for research. *Fulvio Franchi* (Buenos Aires, Argentina), meanwhile, looks at how Chekhov's Sakhalin experience defined the atmosphere of his later works and how his pathos was reflected in Russian literature.

The essays in *The Russian Philological World in International Context* compare literary artefacts and linguistic phenomena that, while ‘genetically’ distinct, are functionally and aesthetically similar. The problem of the place of Russian language and culture in the territories of the former Soviet Union, today a zone of conflict between the interests of the population and the ambitions of politicians, remains relevant: here, the multidimensional experiences and lessons of historical developments are important.

Professor *Raikhan Tuksaitova* (Astana, Kazakhstan) thus looks at the Russian language in Kazakhstan. While not ignoring contradictions, he analyses the policy of the state authorities optimistically and connects them with popular sentiment. *Boris Norman* (Minsk, Belarus) and *Anna Plotnikova* (Yekaterinburg, Russia) then consider the embodiment in the Russian language of models of social self-identification and self-presentation, which are connected with strategies of spoken behaviour. The authors examine metaphorical expressions and statements containing positive representations of social status, reviewing those spoken forms and genres that force the speaker to form their own personal ‘I’.

The community of specialists formed by *Arto Mustajoki* (Helsinki, Finland), *Harry Walter* (Greifswald, Germany), and *Irina Vepreva* (Yekaterinburg) offers some observations on the ‘word of the year’ from 2015. Expressed as vivid and easily recognisable nominative units and thematic series that model semantic dominants, the ‘word of the year’ is a kind of brand identity for a particular *annum*. Such allows us to more palpably understand painful points in national consciousness and the important vectors of development in the present and future.

According to *Aleksandr Shunkov* and *Irinia Jurtaeva* (Kemerovo), the fact that both Fyodor Dostoyevsky and Szymon Tokarzewski turned to the same plot model to describe the Siberian *katorga* can be explained by their biographical circumstances. The poetics of these texts are connected with ‘archetypical projections’ of mythologisation or demythologisation: this was defined not only the artistic particularities of these writers, but also the national specificities of their relationships with the sacred world.

In an article metaphorically entitled ‘Waves of Infinity in the Goblet of Imagination’, *Oleg Donskikh* (Novosibirsk) looks at the similarities and differences in the understanding of infinity in the works of Fedor Tiutchev and William Blake. This is essential for understanding global movements in literature and the metaphorical conceptualisation of philosophical categories. The treatment of the phenomenon of death in Russian poetry is considered by the philologist *Asuta Yamaji* (Nagoya, Japan). He examines the symbolic details and stages in the evolution of the image of death in the Russian literary tradition.

On the theme of *Christianity: Dissent and Conformity*, we offer three articles. Religious confession was one of the major bases for organising

the governance of the Russian Empire (the other was social estate). By the mid-nineteenth century, the empire had become an extremely diverse polity in confessional terms. Its expansion during the 18th and early 19th centuries had brought large numbers of Catholics, Lutherans, Muslims, Jews, Buddhists, and polytheists under the aegis of the tsar. The religion to which a community belonged determined the number and type of privileges and limitations that were imposed upon it: equally, the state sought to assert administrative control over religious authorities and institutions to guarantee loyalty, maximise tax revenue, and obtain conscripts. Nonetheless, the Russian Empire was an officially Orthodox state which supported the Church and its missionary endeavours. As such, the state was caught in a paradox: should it tolerate religious heterogeneity or push for confessional homogeneity? The articles in this section show that small confessional groups often subjected the policy of the empire to a real test.

The British historian *James White* (Yekaterinburg) examines *edinoverie*, a state-backed attempt to draw the Old Believers back to the Orthodox Church by allowing them to maintain their pre-reform liturgy after conversion. In order to better understand the reforms of this movement undertaken in the early 20th century, White suggests utilising the concept of confessionalisation as developed by German historians. He concludes that understanding *edinoverie* reform in terms of confessionalisation can open up valuable grounds for examining the effects of religious plurality on both the official Church and more marginal groups.

In their article, *Elena Glavatskaya* and *Nadezhda Popova* (Yekaterinburg) note that although Evangelical Christianity arrived later in the Urals than elsewhere in the Russian Empire, it arose for largely the same reasons: it offered an alternative form of worship focused on lay voluntarism and leadership, which was especially attractive to those with a relatively high level of literacy. Nonetheless, the demographic sketch that Glavatskaya and Popova provide demonstrates that this form of nonconformity had only a marginal presence in the region. Ultimately, it also proved short lived: with the rise of militant atheism, Evangelical Christianity was driven to the brink of the extinction.

Anti-semitic violence started to become a serious problem in the late 19th century: these pogroms, combined with a policy of encouraging Jewish emigration, led to the emergence of a global diaspora. *Gunmar Thorvaldsen* (University of Tromsø, Norway) considers how, after the repeal of the prohibition against Jewish settlement in Norway in 1851, Jewish groups emerged in the south of the country, especially in Oslo, where they mostly occupied themselves with trade. There was also an Orthodox diaspora in 19th-century Norway, predominantly in the form of Sami converts. While the author ultimately concludes that neither Orthodoxy nor Judaism proved attractive to native Norwegians, the demographic dynamics of these diasporic groups provide an interesting narrative of cross-border religious and ethnic diversity.

The works in the *Disputatio* section deal with a wide range of historical topics spread over a considerable chronological period. Traditionally, historiography on Russia neglects dialogue, instead presenting arbitrary authorities, be they imperial or Soviet, making unilateral demands on a mostly passive population which either submissively accedes or violently rebels. The focus on dialogue in various contexts offered in the following pieces is an invaluable remedy to this general picture, demonstrating both that dialogue existed and that it conditioned relationships in surprising ways that had enduring historical legacies.

We open the section with the continuation of *Vladimir Zemtsov's* (Yekaterinburg) *Moscow under Napoleon: The Social Experience of Cultural Dialogue*. Beginning with the great fire that laid waste to much of Russia's ancient capital in 1812, Zemtsov considers how this terrible tragedy altered the trajectory of sociocultural relations between Moscow's remaining Russian residents and the occupying French army. It is shown that dialogue with the occupiers following the fire was very much dependent on one's position within the Russian Empire's social structure. However, regardless of the forms it took, this inter-social and inter-cultural experience had a long-lasting impact on both the Russians and French, continuing to shape expectations and narratives deep into the future.

Tatiana Yakovleva (Moscow) examines urban development in the large Siberian city of Krasnoïarsk at the end of the imperial era. The state hoped to control this space in order to improve its administrative control over local denizens and create a 'civilised' city, while merchants, traders, and artisans sought openness in order to facilitate their commercial activities. The strategies that the latter adopted were flexible: it was not a matter of ignoring or submitting to the law, but also of creatively interacting with conditions imposed from above. Given that she deals with social policing and power relations, the author applies theories proposed by Foucault and de Certeau to provide an interesting conceptualisation of competition over space in this city.

Mikhail Lipkin (Moscow) discusses the diplomatic dialogue that occurred between the Soviet Union and the French Republic in the international arena. Negotiations were undertaken to have the world-famous President de Gaulle visit the Soviet Union. Noteworthy was the fact that the new opportunity for external dialogue provided the grounds for internal dialogue within the Soviet diplomatic and political apparatus, offering bureaucrats and politicians the chance to exchange views and reshape the way in which they looked at geopolitics and the West.

Finally, in the *Recensiones* section, we present two articles. In the first, Professor *Leonid Bykov* (Yekaterinburg) offers his opinion on anthologies produced by two international symposiums (Tokyo in 2014 and Seoul in 2015) dedicated to Russian literature. He remarks that Slavists in Japan and South Korea focus not only on the creative *oeuvres* of writers, but also on the theoretical legacy of the humanities

in Russia. In the second review, *Konstantin Bugrov* and *Mikhail Kiselev* (Yekaterinburg) give some critical reflections on A. Magun's book *Demokratiia, ili Demon i gegemon* (St Petersburg, 2016). The contents of the review correspond to the much-debated problem of democracy in Russian society, and will be of interest not only to philosophers and social historians, but also to all readers speculating about the fate of democracy both in Russia and elsewhere.

Larisa Soboleva,
James White
Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia

Основу многих статей четвертого номера *Quaestio Rossica* составляет стремление к диалогу. Это диалог культур, авторов и произведений, а также диалог различных социальных институтов. Несмотря не то, что неравенство сил, как правило, сказывается и на форме, и на результате диалога, всегда следует помнить о том, что он предлагает всем, кто оказался в невыгодном положении, возможность не только выражать свои интересы, но и достигать взаимного согласия, тем самым решая проблемы, хотя бы частично.

Открывается журнал рубрикой *Scientia et Vitae*, где продолжается публикация очерка о замечательном русском американисте Н. Болховитинове, для которого первое посещение Америки в 1968 г. оказалась открытием не только чужой страны, но и собственной идентичности, укрепило его связи с близкими людьми, добавило мужества и стремления к глубокой научной деятельности. Это вторая часть статьи *Сергея Жука* (Манси, США). Первая, основанная на документах из личных архивов автора и героя, была представлена во втором номере журнала за этот год.

Рубрика *Problema Voluminis* открывается темой, посвященной далекой территории России – острову Сахалину. Его образ в русской литературе всегда привлекает внимание не только как пограничная территория, где заканчивается русское государство, но и как земля, испытывающая человека нравственно, проверяющая его человеческую сущность. Посещение Сахалина Антоном Чеховым – писателем с абсолютным нравственным слухом, ставшим камертоном конца XIX в., – своего рода крещендо в описании страданий народа и состояния отечества. В разделе щедро представлены новые направления исследования чеховского очерка. Так, в статье *Руслана Ахметшина* (Москва) о подготовке писателя к путешествию использованы данные библиографического списка, составленного Чеховым до поездки. Изучение контекста списка связывает замысел писателя с выбором художественной манеры изложения. *Елена Созина* (Екатеринбург) метафорой «арестант-

ского халата», подобного гоголевской шинели, подводит читателя к главной теме чеховского изложения – теме использования труда заключенных в процессе колонизации и истоков жизненных проблем островитян. Неоднозначность позиции писателя – невольный «имперский» контекст его нарратива в сочетании с жесткой критикой судебной системы и отголосков крепостничества – открывает перед исследовательским дискурсом новые перспективы. *Фульвио Франчи* (Буэнос-Айрес, Аргентина) видит, как определяет сахалинский опыт Чехова настроение в его последующих текстах и насколько существенно пафос имплицитного страдания автора отражается в русской литературе.

Статьи, опубликованные в разделе *Русский лингволитературный мир в интерконтексте*, демонстрируют обращение к сопоставлению генетически различных, но функционально и эстетически близких литературных артефактов и языковых явлений. Проблема места русского языка и культуры на территории бывшего Советского Союза, входящая в конфликтную зону интересов населения и амбиций политиков, не перестает быть актуальной. Здесь важен разносторонний опыт и уроки исторического развития. В таком ключе обращается к теме функционирования русского языка в Казахстане профессор *Райхан Туксайтова* (Астана, Казахстан). Не проходя мимо противоречий, она анализирует языковую политику власти в оптимистической перспективе, связывая с этим настроения людей. Воплощение в русском языке моделей социальной самоидентификации и самопрезентации, связанных со стратегиями речевого поведения, рассматривается в статье *Бориса Нормана* (Минск) и *Анны Плотниковой* (Екатеринбург). Авторы обращаются к метафорическим выражениям, а также высказываниям с оппозитивным представлением социального статуса, и дают обзор тех речевых форм и жанров, которые вынуждают говорящего к конструированию собственного «я».

Содружеством специалистов *Арно Мустайоки* (Хельсинки, Финляндия), *Хельмута Вальтера* (Грайфсвальд, Германия) и *Ирины Вепревой* (Екатеринбург) представлены наблюдения относительно актуального слова 2015 года. Это своеобразная брендовая идентичность года, выраженная в ярких и узнаваемых номинативных единицах – тематических рядах, моделирующих смысловые доминанты года: «предчувствие войны» и «границы допустимого и недопустимого». Такого рода информация позволяет более осязаемо понять болевые точки национального самосознания, важные для многих векторов жизненного развития в настоящем и будущем.

Обращение Федора Достоевского и Шимона Токаржевского к одной сюжетной модели о сибирской каторге, по мнению *Александра Шункова* и *Ирины Юртаевой* (Кемерово), вызвано биографическими обстоятельствами. Поэтика текстов связывается

с «архитепическими проекциями» каждого текста на мифологизацию или демифологизацию и определяется не только творческими особенностями писателей, но и национальными особенностями культуры в ее отношении к сакральному миру. Олег Донских (Новосибирск) в статье, метафорически озаглавленной «Waves of Infinity in the Goblet of Imagination» («Волны бесконечности в кубке воображения»), уловил сходство и различие двух великих поэтов – Федора Тютчева и Уильяма Блейка – в их понимании бесконечности. Сравнение их поэтических опытов существенно для понимания мирового движения литературы, образно осмысляющей философские категории.

Поэтическая трактовка феномена смерти в русской поэзии привлекла внимание японского филолога Асута Ямадзи (Нагоя, Япония). Взгляд исследователя на русскоязычную традицию разнится от привычных национальных характеристик, дает свою точку отсчета, его внимание обращено на символические детали, этапы эволюции образов.

Проблема «Христианство: диссидентство и конформизм» представлена тремя статьями. Вероисповедание, наряду с сословной принадлежностью, являлось основополагающим принципом управления империей. Принадлежность к конфессии определяла количество привилегий и ограничений той или иной группы населения. В то же время государство стремилось установить административный контроль над религиозными лидерами и институтами, чтобы гарантировать преданность населения, максимально увеличить государственные доходы от сбора налогов и, наконец, пополнить ряды армии за счет представителей этих конфессий. Тем не менее, Российская империя официально считалась православным государством, которое поддерживало церковь и ее миссионерские стремления. В связи с этим возникал вопрос: должно ли государство допускать религиозное многообразие, или же оно должно вести политику единоверия? Представленные в этом разделе статьи показывают, что малые конфессиональные группы часто подвергали настоящему испытанию политику империи. Демографические, теологические и социальные характеристики подобных общин и их историографическая оценка представляют немалый интерес при обсуждении религиозного конформизма и неконформизма в истории России.

В первой статье этого раздела Джеймс Уайт (Екатеринбург) рассматривает единоверие как попытку государства вернуть старообрядцев к православной церкви при помощи сохранения дореформенной литургии после принятия новых обрядов. Для корректного понимания церковной реформы исследователь предлагает использовать понятие конфессионализации, введенное немецкими историками во время работы над постреформационной историей Римской империи. Он приходит к выводу, что понимание единоверия

с этой точки зрения дает полезный опыт, что может оказаться ценным при анализе влияния религиозного многообразия.

Уже к середине XIX в. Российская империя *de facto* стала многоконфессиональным государством. Расширение территорий в период с XVIII до начала XX в. повлекло появление католиков, лютеран, мусульман, евреев, буддистов и политеистов, которые оказались под защитой царя. В статье *Елены Главацкой и Надежды Поповой* (Екатеринбург) используется региональный подход к изучению этой проблемы. Обращаясь к большому корпусу источников, они отмечают, что хотя евангельское христианство появилось на Урале позже, чем на остальных территориях Российской империи, причины его возникновения были те же: оно предлагало альтернативное вероисповедание, которое во многом фокусировалось на волюнтаризме и лидерстве, что было особенно привлекательно для представителей населения, обладавших относительно высоким уровнем образования. Однако приведенные авторами демографические сведения наглядно показывают, что такая форма нонконформизма носила спорадический характер. Существование этой конфессии было недолгим: с возникновением воинствующего безбожия евангельское христианство оказалось на грани исчезновения.

К концу XIX в. антисемитские настроения стали серьезной проблемой. Политика, направленная на изгнание евреев, и многочисленные погромы привели к появлению еврейских диаспор по всему миру. В статье *Гуннара Торвальдсена* (Тромсё, Норвегия) диаспора русских евреев изучается в рамках норвежского контекста. После отмены запрета на еврейские поселения на территории Норвегии в 1851 г. на юге страны, особенно в Осло, постепенно начали появляться первые еврейские общины, по большей части занимавшиеся торговлей. Православная диаспора существовала в Норвегии с XIX в. и преимущественно состояла из саамских новообращенных. Автор приходит к выводу, что ни православие, ни иудаизм не привлекли в свои ряды жителей Норвегии, однако демографическая динамика этих диаспор подтверждает наличие религиозного и этнического разнообразия.

Исследования, опубликованные в разделе *Disputatio*, охватывают широкие хронологические рамки. Историография России традиционно пренебрегает темой социального диалога, изображая различные власти, будь то во времена империи или Советского Союза, единолично принимающими решения за народ, который либо покорно соглашается с политикой государства, либо поднимает восстание. Нижеприведенные статьи исправляют ситуацию, фокусируясь на реальном диалоге в историческом контексте и таким образом демонстрируя, что он играл важную роль в истории и имел длительные последствия.

Раздел открывается продолжением статьи *Владимира Земцова* (Екатеринбург), в которой дается анализ социальных аспектов межкультурных контактов в период наполеоновской оккупации Москвы (начало см. в № 3 за 2016 г.). Начиная с описания пожара, который уничтожил большую часть столицы в 1812 г., эта трагедия изменила траекторию социокультурных отношений между жителями Москвы, оставшимися в городе во время оккупации, и французской армией. Автор представляет новый взгляд на историю пребывания наполеоновской армии в Москве, анализируя многообразие стратегий поведения жителей столицы по отношению к оккупантам.

Исследовательский интерес *Татьяны Яковлевой* (Москва) обращен к процессу урбанизации в России в свете теорий, разработанных М. Фуко и М. де Серто, для концептуализации идеи конкуренции. По наблюдениям автора, именно открытое городское пространство Красноярска было главным предметом диалога и переговоров в большом сибирском городе в конце существования империи. Государство стремилось контролировать эти территории с целью облегчения процессов управления населением и создания «цивилизованного» города. Купцы, торговцы и ремесленники стремились к открытой торговле, приняв стратегию, которая заключалась не просто в игнорировании или подчинении закону, но в умелом взаимодействии с правилами, установленными государством.

Наконец, в статье *М. А. Липкина* (Москва) рассмотрен важный этап отношений между Советским Союзом и Французской Республикой, одним из определяющих событий которого стал визит в СССР Шарля де Голля в 1966 г. Возможность внешнего диалога дала немало поводов советскому дипломатическому и политическому аппарату для диалога внутреннего, тем самым предоставляя чиновникам и политикам шанс для обмена мнениями и формирования новых принципов геополитики. Диалог в конкретной ситуации помог вывести отношения между СССР и Францией на новый уровень. Это служит неким противовесом многочисленным утверждениям о взаимной изоляции и враждебности как об основных характеристиках холодной войны.

Рубрика *Recensiones* представлена двумя статьями. В первой свое мнение о сборнике материалов двух международных симпозиумов в Токио (2014) и Сеуле (2015), посвященных русской словесности, выражает профессор *Леонид Быков* (Екатеринбург). В рецензии отмечается, что в центре внимания славистов Японии и Южной Кореи находится не только творчество писателей, но и теоретическое наследие гуманитариев России. Рецензия *К. Бугрова* и *М. Киселева* (Екатеринбург) посвящена критическому осмыслению книги А. Магуна «Демократия, или Демон и гегемон» (СПб., 2016). Полемичность рецензии соответствует дискуссионности

проблемы демократии в российском обществе и вызовет интерес не только специалистов философского и социоисторического направлений, но и всех читателей, размышляющих о судьбах демократии в России и мире.

Лариса Соболева,

Джеймс Уайт

Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия

Перевод с английского Татьяны Кузнецовой и Анастасии Кудриной